

с 89
34098

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

слово
СОЛДАТА

гослитиздат ленинград

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

**С Л О В О
С О Л Д А Т А**

С Т И Х И

О Г Н З

*Государственное издательство
художественной литературы
Ленинград. 1944*

*Он воювал за Ленинград. Он погиб на переправе
через Царву.*

*В этот сборник я отобрал лучшее, что успел
написать Георгий Суворов,— один из тех, кто нашел
песню в самом пекле боя, кому по праву положено
рассказать о великом сегодняшнем дне грядущему.
Обо всем этом он сам сказал просто и проникно-
венно:*

*«В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди—
И для людей...»*

* * *

Средь этих нив я собирал слова, —
То пестрые, как весенняя долина,
То строгие, как горная вершина,
То тихие, как на заре трава.

Средь этих тучных нив не раз, не два
Я песню направлял в полет орлиный;
И песня, птицей став, неслась былинной
Из века в век, прекрасна и жива.

Средь этих нив я создал жизнь свою,
Подобную сереброкрылой песне,
На зависть всем и даже — соловью.

Средь этих нив я лягу и умру,
Чтобы звончей, чтобы еще чудесней
Летела песня утром на ветру.

* * *

Вперед, на Запад!—

Цену этих слов
Мы поняли, когда в горячем пыле
Мы штурмовали стены городов
Ценой нечеловеческих усилий.

Вперед, на Запад!—

Дерзкая мечта...
Я знаю, нас никто не остановит.
Целуют землю русскую уста,
Отбитую ценой солдатской крови.

Пускай мы не прошли и полнута,
Пускай звезда уходит в ночь устало, —
Теперь на Запад будем мы идти,
Вперед идти — во что бы то ни стало!

Трона войны

Я не ходил немало горных троп
Высокого и строгого Саяна;
Шел по ущельям хмурым Абакана,
Был постоянным спутником ветров.

Мое ружье — железный верный друг.
(О, мне ли привыкать теперь к винтовке!)

И если мне среди голубизны
Хакасских дебрей вновь сверкнули троны, —
Я не покину своего окопа,
Нет, не сверну с крутой тропы войны.

И, лишь достигнув в долгожданный миг
Ее конца в седой ночи Европы,
Я вновь приду к моим таежным тропам
И выберу труднейшую из них.

* * *

Хоть день один, хоть миг один
Средь этих тягостных годин —
Мы будем петь и счастье славить!
Идя дорогами войны,
Мы встретим светлый день весны
В его серебряной оправе.

Чтоб мы смеялись в этот час, —
Там, ночи не смыкая глаз,
Бойцы лежат у пулеметов...
Чтоб мы играли в этот миг,
Боец встает. Огонь. И, тих,
Он падает у вражьиx дотов...

Нет, не забудем мы о нем,
Без слова павшем под огнем, —
Героя имя не забудем.

Будь твой отец он или брат —
Он был солдатом!.. Как солдат
Он пал среди военных буден...

Он пал... Но ранняя весна
Идет. Что смерть ей и война!
Свежа, румяна, говорлива,
Идет, черемухой цветет,
Идет, синицею поет,
Шумит сверкающим разливом.

И мы... хоть день, хоть миг один
Среди этих тягостных годов —
Мы будем петь и славить радость!
Среди крутых дорог войны
Мы встретим светлый день весны —
Мы встретим, дети Ленинграда!

Чайка

Как полумесяц молодой,
Сверкнула чайка предо мной.
В груди запыло у меня...
Зачем же в самый вихрь огня?

Что гонит?.. Что несет ее?..
Не спрячет серебро свое...

Зачем?..

Но тут припомнил я...

Зачем?..

Но разве жизнь моя...

Зачем?..

Но разве я не так

Без страха рвусь в огонь атак?!

И крикнул чайке я:

— Держись!

Коль любишь жизнь —

Борись за жизнь!

* * *

Пришел и рухнул, словно камень,
Без сновидений и без слов,
Пока багряными лучами
Не вспыхнули зубцы лесов.

Покамест новая тревога
Не прогремела надо мной...
Дорога, дымная дорога —
Из боя в бой, из боя в бой...

* * *

Давиду Лондону

Пусть прошлый год злых непогод
Нам обжигает грудь, —
Я пью за новый буйный год,
За пройденный наш путь.

Пью за бродячую мою
Солдатскую метель;
За самых светлых в мире пью —
Затянутых в шинель.

За то, что месяц, словно медь,
И вся земля в снегу,
Что я тоскую, и не петь —
Не петь я не могу!

* * *

Подлети, возьми, отведай
Нашей песни, ветерок.
Мы увенчаны победой
На скрещении трех дорог.

Три дороги — все крутые.
Встанем, братцы, на одной,

Вспомним битвы громовые
Дружной песней боевой.

Вспомним ветра завыванье
И немолчный гул атак,
Славу нашего собранья
Крепких парней и рубак.

* * *

Полковнику Путилову

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Итти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

Он как отец, — и нет для нас дорожке
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Ведя на смерть, от смерти увести.

* * *

М. Романовой

Сочилась кровь, и свет бежал из глаз...
Сверкнул огонь — и вдруг огонь погас...

А он дрожал, как будто кто-то гвоздь
Вбивал в его раздробленную кость.

Но лишь на миг в себя он переходил,
Ползти старался из последних сил

Туда, где на ветру дрожит трава,
Где катит волны к берегу Нева.

Туда, где лодки... где прохлада... Но
Летит земля на грудь... В глазах темно...

И кажется... все прошлое забудь!
На половине оборвался путь...

Но вдруг на грудь твою сошла заря,
Весенней белой яблоней горя.

В твои глаза два синие цветка
Вдруг посмотрели... О, как жизнь сладка!..

И девушка, кладя в карман бинты,
Тебе сказала: «Жить! Жить будешь ты!»

* * *

П. Зайченко

Вот уж почетные солдат,
Хотя с погонами майора.
Поднялся полк за рядом ряд,
Как буря в ярости напора.

По взгляду твоему — «Вперед!»
По слову твоему — «Дружнее!»
Полк в вихрях пламени идет
И за траншеей рвет траншею.

Когда ж уставшие бойцы
Не встанут по прямому знаку,
Ты крикнешь лихо: «Молодцы!» —
И первый бросишься в атаку.

Докладывает „КВ“

У штаба встал грохочущий «КВ» —
Багров на багровеющей траве.

Со скрипом люк открылся, и танкист
Из танка вышел, молод и плечист.

К нему навстречу командир полка.
Танкист навытяжку. К виску рука.

— Товарищ командир... — А тот рукой
Махнул в ответ:— Доклад не нужен твой...

Ясней доклада... Все понятно так! —
Сказал усач.—Смотри, смотри на танк! —

Танкист взглянул.—«КВ» стоял в кровп.
А командир: — Так продолжай, дави!

* * *

Могдали

Дым черный, словно черный коршун,
Повис над сумраком земли.
Весь лес разбит и перекошен,
Как сон кошмарный Могдали.

Джигит! Ему б весенней птицей
Лететь на скакуне в пыли...
Но немец рядом — и крепится
У пулемета Могдали.

Ему б гулять в разнилах лунных,
Где табуны, как корабли...
Но немец жмет — и, кровью сплюнув,
Принал к бойнице Могдали.

Полезет огонь в зыбучем торфе.
Враг, о пощаде не моли!..
Убивший боль, глотнувший скорби,
Пошел в атаку Могдали.

* * *

Полковнику Подлужному

Над лесом взмыла красная ракета,
И дрогнуло седое море мглы,
Приблизили багровый час рассвета
Орудий вороненные стволы.

От грохота раскалывались тучи,
То опускалась, то вздымаясь вверх.
Через Неву летел огонь гремучий —
И за Невую черной смертью мерк.

И так всю ночь, не ведая покоя,
Мы не гасили грозного огня.
И так всю ночь за русской Невую
Земля горела, плавилась броня.

И так всю ночь гремели батареи,
Ломаю доты за рекой во рву, —
Чтоб без потерь, стремительней, дружнее,
Пехота перешла через Неву.

Чтобы скорее в схватке рукопашной
Очистить дорогие берега;
Чтоб, растоптав навеки день вчерашний,
Встал светлый день над трунами врага.

* * *

О. Корниенко

Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялись до земли.

Мы просто братски были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что, многие пройдя преграды,
Ты жив, и я живу пока.

И что густые кудри ветел
Опять нам дарят свой прирост,
И что еще не раз на свете
Нам в бой идти за этот свет.

* * *

Подполковнику Кузнецову

Хотя бы минуту на раздых
За океанских три дня.
Но снова уносится в воздух:
— Дайте огонь на меня!.. —

И снова взлетают с землею
Разорванные тела.
Метится пламенем боя
Насквозь прожженная мгла.

И в этих метельных звездах
Твердое, как броня,
Режет прогоркший воздух:
— Дайте огонь на меня!.. —

Немец железным кругом
Встал и готов к броску.
Друг прощается с другом
И дуло подносит к виску.

И рухнули наземь звезды,
И парень, гранату подняв,
С кровью выхаркнул в воздух:
— Огонь, огонь на меня!..

* * *

А. Четверикову

Нет! Не побед последних шум,
Не богатырскую огромность, —
В тебе я славлю трезвый ум
И человеческую скромность.

Приказ получишь — и вперед,
Без слова и без промедленья!
В глазах качнется небосвод —
И снова началось сраженье.

Кого-то пуля свалит с ног,
А кто-то встанет, вдруг опомнясь, —
Идет труднейшей из дорог
Солдатская живая скромность.

* * *

Встанем и погреем руки
На алеющем дыму,
Вспомним об убитом друге...
И не скажем никому,

Как смеялся, как любил он
Этот звездный снегопад.
Вспомним, друг, о самом милom
И храбрейшем из солдат.

Может, написать два слова
В дальний край его жене?..
Между тем, дымок лиловый
Пзойдетя в вышине.

На широком перекрестке
Встанет парень молодой.
И ударит ветер хлесткий
Щелом, дымом и зарей.

* * *

Я славлю вас, герои! Обо мне ж—
Никто не скажет и никто не спросит.
Я с вами вместе выйду на рубеж,
Чтоб увидеть вас в тихий час предгрозя.

Когда ж найдут меня среди мертвых тел,
С улыбкой грустною кивнут на ветер:
— Он весело страдал и сладко пел...—
А может быть, и вовсе не заметят...

Ну что ж! Я буду счастлив даже тем,
Что сын героя мой листок поднимет,—
И прозвучит ему героя имя
Во всей неповторимой простоте.

* * *

Метет, метет... И нет конца метели,
Конца тяжелым, белым хлопьям нет.
Метет, метет... И замечает след
К моей солдатской полумерзлой щели.

Метет, метет... И не увидишь света
И не увидишь друга в двух шагах.
Вот через этот безответный мрак
Я двинусь в путь, лишь тьму прорвет ракета.

* * *

Цветы, цветы... Как много их,
И розовых и голубых,
Как мотыльков на тонких стеблях.

Цветы, цветы... Везде, везде
Мне улыбаются весь день,
Живую радугу колебля.

Цветы, цветы... И на душе,
Вот в этом тесном блиндаже,
Опять легко. Я пьян цветами...
Здесь бой прошел. Здесь кровь ждалась...
От гула здесь земля тряслась,
Но бой не погасил их пламя.

Цветы, цветы... И там и тут
Они смеются и цветут,
Как кровь пунцовая соколя,
Как память павших здесь в бою
За жизнь, за Родину свою,—
Они цветут на этом поле.

Сибиряк на Неве

1

Помню я кедровые орешки,
Бурые, как соболиный глаз,
Парня рябоватого усмешки,
Шнур тропы, к костру ведущей нас.

Помню гор безоблачные шири,
Кедров голубые облака,
Ясную голубизну Сибири,
Грань серебряного ледника.

Помню все. И птиц на горизонте,
И речушек светлое стекло...
Но одно лишь среди пуль на фронте
Здесь особый смысл приобрело.

Бурые кедровые орешки,
Круглые, как собольный глаз,
Парня простодушные усмешки,
С кем тайга скрепила дружбой нас.

Парень синеглазый, рябоватый,
Буйная, широкая душа,
Мы бродили с ним тайгой горбатой,
Свежестью таежною дыша.

Мы любили пить перед рассветом
Чистое вино багряных рос.
Мы любили — если свежий ветер
Горькою смолой ударит в нос.

Так ударит, что раздует ноздри
И от волосков до пят пойдет...

И глаза так удивленно смотрят,
Словно мир пред нами уж не тот,

Словно все опять помолодело.
Был пустырь — и нету пустыря...
И пьяняще обтекает тело
Сочная брусничная заря.

Мы любили... Но ни лес, ни речки
Не тревожат памяти сейчас.
Предо мной кедровые орешки,
Круглые, как соболиный глаз.

Так, бывало, у лесной поляны —
Чуть проснется на заре душа —
Он сидел под кедром-великаном,
Шишки кропотливо шелуша.

И потом сернистые орешки
В пригоршнях держал он на дыму
И, как четки круглые, без спешки
Складывал в карман по одному.

Нет, мой парень не был суеверен,
Он был просто милым чудаком.
Он любил вздохмаченного зверя
Встретить в дебрях солнечным смешком.

Он не торопился переломку
Поднести к упругому плечу.
Он смеялся широко и громко
И бросал орешки лохмачу.

А медведь в своих штанах медвежьих
Путался и, сотрясая лес,
Землю рвал, чтобы найти орешек,
И ревел, как в старой сказке бес.

Не найдя, он шел на задних лапах,
Словно первобытный человек,
На живой, на человеческий запах,
На густой, на простодушный смех.

В это время раздвигались сосны,
Вспыхивал гремучий огонек...
Думалось медведю, будто солнце
Гасло у его могучих ног.

И опять мой друг по перевалам
Шел среди обвалов и теснин.
Шел... А с древних гор тянуло палом
На простор нестреющих долин.

Где-то вновь гудела переломка,
Где-то снова падала гора.
И орешек за орешком звонко
Царень грыз у сизого костра.

Было так: сентябрьской темной ночью
 Закачалась лодка на Пезо,
 Быстрые машинные точки
 Вспыхнули на молодой траве.

Вражий берег, выросший из мрака,
 Взрыли наших батарей клыки.
 Пять минут — и загремит атака,
 И сверкнул граненые штыки.

Под могучим орудиным валом
 Мы стремились к берегу врага.
 Било в грудь нам порохом и палом,
 Острый ветер прожигал бока.

Не сдержать нас... Берег огнезубый
 Замолчал, не выдержал, погас.
 И к земле родной припали губы...
 И слеза на землю пролилась.

Тут в траншее под свинцовой вьюгой
 Я опять нашел сибиряка.
 Он считал Сибирь своей подругой,—
 Он под Ленинградом бил врага.

Стиснув острый холод автомата,
 Он прицал к истерзанной земле,

Глаз поймал фашистского солдата —
И солдат упал в рассветной мгле.

Видел я, как на крутую насыпь
Он забрался и бойцов увлек;
Как врагов бесформенную массу
Захлестнул наш молодой поток...

Огненный поток, дробящий скалы
Частых дотов, вставших на пути.
Впереди — неудержимый малый,
Человек сибирской злой кости.

Точно так же, как в часы охоты
В Абаканских дебрях, между скал,
Он ловил, искал врага — и сотый
Мертвый немец на землю упал.

Он стремился с отделеньем вместе,
С автоматами наперевес,
Оседать дороги перекрестье
И войти в нагроможденный лес.

Лес гудел, и робкий, розоватый
Над лесами занялся рассвет,
Запрожал на грани автомата,
Победителю послал привет.

Только трубы блиндажей разбитых,
Брошенные на сыром песке,

Только исковерканные плиты,
Сбитые при первом же броске;

Только немца разможженный череп
И слова проклятия над ним;
Только черви... Земляные черви,
Вьющиеся в черепе, как дым.

В

Вот что здесь открылось после боя
Голубым глазам сибиряка.
Горек дым над светлою Невою, —
Но победа все-таки сладка.

Словно точка на яру далеком,
Врытый в землю, камнем обнесен,
Дзот светил нам, вставшим одиноко
Среди веток, погруженных в сон.

Дзот стоял, и в маленьком квадрате
Огонек багровый расцветал,
И бойцы шептали: «Это батя...
Наш полковник подал нам сигнал».

Это значит — закрепляться надо,
Подкрепление не придет пока.
Это значит — отбиваться надо
От превосходящего врага.

Немцы поднялись, сплюсннвой лавиной
К нашим укреплениям пошли.
Мы молчали. Ни огнем, ни миной
Не поднять нас, не смахнуть с земли.

А дружок мой... Нет, никто так просто
Не встречал идущих в рост солдат.
Каждому он выбрал для погоста
Место — и погляди автомат,

Как в тайге, по правилам охоты, —
Не убить страстей таежных в нем...
На глазах у всей немецкой роты
Он готов был злить ее огнем.

Не забыть, как друг мой, стиснув зубы,
Автомат свой прижимал к груди.
И тогда его шептали губы:
«Мало?! . на еще... иди... иди!»

Не забыть, как, окружен врагами,
Он вскочил и поднял одного
И ударил немцем в немца, — камнем
Повалился немец от него.

Помню, как последние гранаты,
Словно соколы, взметнулись ввысь.

Помню, как немецкие солдаты
Залегли и снова поднялись.

Среди лиц, прощающихся с жизнью,
Видел друга светлое лицо...
Видел стали огненные брызги
И врагов давящее кольцо.

А потом — простор моей Сибири
Под лазурью бархатных небес,
Горные безоблачные ширь,
Прямоствольный темнохвойный лес.

Видел все... И вдруг все потемнело...
Что-то страшно хрустнуло в плече.
Мне казалось, в пропасть без предела
Падаю на ледяном луче

И раздался гром. Над бездной черной
Золотые звезды расцвели,
И упали крохотные зерна
Искрами и грудь мою сожгли...

Дальше я не помню... и не знаю,
Сколько я без памяти лежал, —
Знаю лишь, он, кровью истекая,
Все стоял... как каменный стоял!

Теткин ручей

1

Пустяки! Ширна — полсажени.
Сделай шаг — и на той стороне.
Две большие солдатские тени
Потонули в ночной тишине.

А потом вдруг неловко и громко
Обе рухнули враз на песок.
Только в воду упала котомка,
Только стукнул о печь котелок.

Пробудясь, голосами живыми
Зазвенел убегающий вал.
Кто-то милое женское имя
Долго-долго откуда-то звал...

2

Ветер звездную полночь тербит
И уносит мой вздох к небесам...
Эти ветви, серебряный тресет,
Эту томность — я выдумал сам.

Все я выдумал, чтоб не томиться
Над ручьем средь обугленных пней,

Чтоб не видеть, как меркнет зарница
Истомленных, измотанных дней.

Чтобы просто, в минуты затишья,
Ни о чем, ни о чем не скорбя,
Мне припомнить зеленую вишню
И под вишней припомнить тебя.

Чтоб припомнить серебряный трепет
Темных веток, склоненных к волнам...
Ветер звездную полночь теребит
И уносит мой вздох к небесам.

В

Оттого ли, что долго молчала,
Оттого ли, что я маловер, —
Задрожал, получив этот алый,
Издали пришедший конверт.

Оттого ль, что всего ты дороже,
Долгожданная... Не оттого ль,
Испытавший все бури, не может
Позабить свою долгую боль?

Не однажды ушедший от смерти,
Не однажды убивший ее, —
Я с тоскою прочел на конверте
Незабвенное имя твое.

Не придешь, нет, сюда не придешь ты,
 Все надежды я предал огню.
 Не виню экспедиторов почты
 И молчанье твое не виню.

Не уверен я, будешь ли рада
 Ты приходу тогда моему, —
 Все, как лучшую в мире награду,
 Я за долгие муки приму.

Я приму. И с тоскою отвечу:
 Что ж, любимая, благодарю.
 Если б я не желал этой встречи,
 Разве был бы я в этом краю?..

* * *

Лохматый хоровод холмов,
 Хвои хохлатые папахи
 Да вздохн тихие, как взмах
 Висящих в воздухе орлов.

Я ухожу, суров и тих.
 А солнце с неба прямо в ноги.
 Петля извиливой дороги
 Скользнула из-под ног моих.

Я в заколдованном кругу
Орлов, парящих надо мною...
Нет, не хмелеть такой весною
Не в силах я... я не могу.

Природы бессловесный крик
Поймай и всей душой почувствуй.
В ней нет ни мысли, ни искусства, —
Но в ней источник сил твоих.

Брусника

Я шел в разведку. Времени спокойней,
Казалось, не бывало на войне.
Хотелось отдохнуть на горном склоне,
Присев к густой приземистой сосне.

Хотелось вспомнить край золотолычкий —
Мою Сибирь, мою тайгу... И вот
Пахнуло пряным запахом брусники
Над прелью неисхоженных болот.

О, неужели, унесен мечтою,
Я вызвал аромат моей страны...
Брусника каплей крови предо мною
Горит у корня срубленной сосны.

С какою дикой радостью приник я
К брусничным зорям, тающим в траве...
Но мне пора. Шу. В глазах брусника, —
Как бы далекой родины привет.

Косач

Заря над лесом разлилась устало...
Бой отгремел. С огрызком сухаря
Я сел у пня, винтовка отдыхала
У ног моих, в лучах зари горя.

Я ждал друзей, идущих с поля боя...
И вдруг... где трав серебряная мгла,
В пятнадцати шагах перед собою
Я увидел два черные крыла.

Потом кривая радужная шея
Мне показалась из сухой травы.
Рука к винтовке, но... стрелять не смею, —
Ведь он один на берегах Цевы...

Земляк!.. И предо мною голубые
Встают панахи горных ведрачей.
Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные
Я слышу ранний хохот косачей.

Так вспоминая, в голубом томленьи
Глаз не сводил я с полукруглых крыл..

Легла винтовка на мои колени,
Поднять ее я не имел уж сил.

Да и зачем? Мой выстрел, знаю, меток,
Но птица пусть свершает свой полет.
Охотник я. Я знаю толк в приметах:
Кто птицу бьет, тот зверя не убьет.

* * *

Пламени и стали гулкий вал
Белизны полянки не измял.

Лишь разведчик, по пути в разведку,
Белую полянку перешел.
Отряхнув сосны зеленой ветку,
Он вдохнул пьянящий запах смол.

И смотрел на лес, неповторимый
В красоте заснеженной своей...
Вот комочком голубого дыма
Белка пронеслась во мгле ветвей.

Красноперый, острокрылый дятел
Весело ударил по коре...
Вспомнились леса, полны, гати,
Алые туманы на заре, —

Те места, где битвы гулкий вал
Белизны слепящей не измял.

* * *

Коротка. Короче мига
Эта радужная книга
Снов моих иль просто слов.

Может быть, я только думал,
Что вдали, в родном краю, мол,
Ты не видишь этих снов.

Может, я томился просто,
Стиснув автомат у моста,
И, полузакрыв глаза,

Вздохи слал родному краю,
Где лилово-голубая
Над рекой висит лоза.

* * *

Мы тоскуем и скорбим,
Слезы льем от боли...
Черный ворон, черный дым,
Выжженное поле...

А за гарью, словно снег,
Ландыши без края...
Рухнул наземь человек,—
Приняла родная.

Беспокойная мечта, —
Не сдержать живую...
Землю милую уста
Мертвые делают.

И уходит тишина...
Ветер бьет крылатый.
Белых ландышей волна
Плещет над солдатом.

* * *

Леса и стены, стены и леса...
Тупая сталь зарылась в снег обочины.
Над нами — туч седые паруса,
За нами — дым в огне убитой ночи.

Мы одолели сталь. Мы тьму прошли.
Наш путь вперед победою отмечен.
Старик, как будто вставший из земли,
Навстречу нам свои расправил плечи.

Мы видели, как поднял руку он,
Благословляя нас на бой кровавый.
Мы дальше шли. И ветер с трех сторон
Нам рокотал о незакатной славе.

* * *

Когда-нибудь, уйдя в ночное
С гривастым табуном коней,
Я вспомню время боевое
Бездомной юности моей.

Вот так же рдели, ночь за ночью,
Кочуя с берегов Шевы,
Костры привалов, словно очи
В ночи блуждающей совы.

Я вспомню миг, когда впервые,
Как миру светлые дары,
Летчим роем, золотые
За Нарву перешли костры.

И мы тогда сказали: слава
Неугасима на века.
Я вспомню эти дни по праву —
С суровостью сибиряка.

* * *

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций,
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы вышьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки, как быстро,
Как быстро наше время утекло!

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От редактора	3
Средь этих нив я собирал слова	5
Вперед, на Запад!	6
Тропа войны	—
Хоть день один	8
Чайка	9
Пришел и рухнул, словно камень	10
Пусть прошлый год	11
Подлети, возьми, отведай	—
Есть в русском офицере обаянье	12
Сочилась кровь, и свет бежал из глаз	—
Вот уж постигли солдат	13
Докладывает „КВ“	14
Дым черный, словно черный коршун	15
Над лесом взмыла красная ракета	—
Мы вышли из большого боя	16
Хотя бы минуточку на роздых	17
Нет! Не побед последних шум	18
Встанем и погреем руки	19
Я славлю вас, герои! Обо мне ж—	—
Метет, метет. . . И нет конца метели	20
Цветы, цветы. . . Как много их	—
Сибиряк на Неве	21
Теткин ручей	30
Лохматый хоровод холмов	22
Брусника	33
Косач	34
Пламени и стали гулкий вал	35
Корожка. Короче мига	36
Мы тоскуем и скорбим	—
Леса и степи, степи и леса	37
Когда-нибудь, уйдя в ночное	38
Еще утрами черный дым клубится	39